

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ О “ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕНАХ”

© 2016 г. Г. В. Обатнин

Ph.D., университетский лектор по русской литературе Хельсинкского университета (Финляндия),
Отделение современных языков, PO Box 24 00014 University of Helsinki
gennadi.obatnin@helsinki.fi

VYACHESLAV IVANOV ABOUT “THE END OF TIMES”

© 2016 Gennadii V. Obatnin

Ph.D., University Lecturer in Russian Literature University of Helsinki, The Department of Modern Languages,
PO Box 24 00014 University of Helsinki
gennadi.obatnin@helsinki.fi

В статье в различных аспектах рассматривается стихотворение Вячеслава Иванова “Последние времена” (1915). Исследуются его интертекстуальные связи, а также обсуждается вопрос о роли поэтической интонации в литературной традиции и формирующих ее языковых и текстовых факторах. Содержание стихотворения анализируется с помощью исторического комментария, а также данных по истории текста.

The article examines the various aspects of the Vyacheslav Ivanov’s poem “The End of Times” (1915). We study its intertextual connections, following with the discussion about the role of poetic intonation in the literary tradition and shaping its linguistic and textual factors. The content of the poem is furnished with historical commentary, as well as with its editing and publishing history.

Ключевые слова: стиховая интонация, интертекст, ритмико-синтаксическое клише, семантический ореол метра, переложение псалмов, Первая Мировая война, история текста

Key Words: intonation, intertextuality, rhythmical and syntactic clichés, semantic halo of metre, translation of psalms, World War I, history of text production

Так называемое “предсмертное стихотворение” Ф. Сологуба имело интересную читательскую судьбу. Написанное в период болезни 17/30 июля 1927 года, за четыре месяца до кончины писателя 5 декабря, оно было опубликовано только в 1942 году Р. Ивановым-Разумником в составе очерка в берлинской газете. Цитатой из этого текста завершается мемуарный фрагмент о Сологубе в воспоминаниях И. Одоевцевой, покинувшей Петроград раньше его написания [1, с. 286–287]¹. Такого же эмигрантского происхождения и знакомство с этим текстом С.П. Ремизовой-Довгелло (умерла в 1943), которое, как вспоминала Н.В. Резникова, она читала “с особенным чувством и особенным голосом”

в последние годы своей жизни [3, с. 46]. Однако уже до этой публикации стихотворение нашло свой путь к читателю, и этому способствовало то, что Иванов-Разумник привел его целиком в письме к Андрею Белому от 7 декабря 1927 года [4, с. 554–555]. Кроме того, оно вошло в машинописный сборник с отобранными им по предсмертному поручению поэта стихами за 1925–1927 гг., ныне хранящийся в собрании М. Лесмана. Э. Бабаев, ташкентский знакомый Ахматовой, вспоминал, как поэтесса на память прочитала это стихотворение, когда тот пришел к ней за советом, что именно из Сологуба необходимо включить в антологию русской лирики [5, с. 20–21].

Стихотворение обладает запоминающейся интонацией:

¹ С разоблачения этого фрагмента начинается одна из работ Г.А. Левинтона [2, с. 563–564].

Подыши ещё немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Странно-зыблемый, как дым.

Что Творцу твои страдания!
Кратче мига – сотни лет.
Вот – одно воспоминанье,
Вот и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаясь к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.

Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши ещё немного
Тяжким воздухом земным.

Внимательная читательница поэзии Сологуба, В.Г. Малахиева-Мирович выписала его в свой дневник в 1930 году [6, с. 500], и невольно кажется, что она, автор сборника стихов под названием “Монастырское” (1923), расслышала в нем свой собственный, написанный за четыре года до него, текст:

Стонет зверь в лесном капкане,
В мышеловке бьетсямышь,
Тонет судно в океане.
Ты, уснувший, мирно спишь,
Упоен вином покоя,
И не слышишь, как вдали
Твари в смертной муке воют,
Тонут в море корабли.

[6, с. 251]

Если соответствующим образом настроить слух, эту же интонацию можно услышать в некоторых из строф трагикомического стихотворения Н. Олейникова “Надклассовое послание (Влюбленному в Шурочку)” (1932): “Неприятно в океане / Почему-либо тонуть. / Рыбки плавают в кармане, / Впереди неясен путь <...> Страшно жить на этом свете, / В нем отсутствует уют...” и т.д. Все это наводит на мысль, что “предсмертное” стихотворение Сологуба, не теряя своей искренности, живет взаимы. Поэт вообще не раз декларировал принцип литературного воровства, и некоторые из его стихов пестрят разного рода заимствованиями. Недавно было высказано основательное мнение о “бессознательном подражании” им в этом тексте стихотворению Н. Гумилева “Леопард” (1921): “Брат мой, враг мой, ревы слышишь, / Чуешь запах, видишь

дым? / Для чего ж тогда ты дышишь / Этим воздухом сырým?” [7, с. 239–240]².

Представляется очевидным, что стихотворение Сологуба также связано, по крайней мере, с зачином следующего стихотворения Вяч. Иванова:

Потерпи еще немного,
Скорбный путник, Человек!
Приведет твоя дорога
На верховья новых рек.

Миновав водораздела
Мирового перевала,
Грань, мерцающую бело,
Ты завидишь, – Дух сказал.

Стены бледные возглавят
Летопись последних дел
И над временем поставят
Беспредельному предел.

Все узнают: срок недолог,
Дни вселенной сочтены,—
И взвывается тихий полог
С беспощадной глубины.

Но когда: “Его, живого,
Вижу, вижу! Свил он твердь!” –
Вскрикнет брат, уста другого
Проскрежешут: “вижу Смерть”...

И в старинную отчизну
Внидет сонм живых отцов,
И зажжет Обида тризну
С четырех земли концов.

[8, с. 223]

Это стихотворение под заглавием “Последние времена” появилось в рождественском номере (25 декабря) 1915 года газеты “Русское Слово”, а в парижском издании (1939 года) трилогии “Человек” под названием “Прооетимон” (“Введение”) открывало ее третью часть, веноч сонетов “Два града”. Первое, что бросается в глаза в этом тексте – это его интертекстуальность. Иванов обращается к своим читателям, которые не только держат в памяти его поэзию, но и говорят с ним на одном языке, и здесь этот язык прежде всего – язык Откровения Иоанна Богослова. В полной мере это относится к началу текста: “Приведет твоя дорога / На верховья новых рек” отсылает одновременно к образу реки жизни (Откр 22:1),

²Строки Сологуба “Вот – одно воспоминанье, / Вот и памяти уж нет” также можно было бы считать аллюзией на различные памяти и воспоминания в начале неоконченной поэмы Иванова “Деревья” (опубл. в 1921), если бы за ними не угадывалось распространенное представление о мимолетности воспоминаний.

который давно приобрел характер топоса, в том числе и в русской поэзии. Обращение Духа со словами отчетливо отсылает к первым главам Апокалипсиса, которые и представляют собой изложение того, что говорит Дух. В свете накопления аллюзий на этот текст, думается, что в следующей строфе: “Стены бледные возглавят / Летопись последних дел” может иметься в виду новый Иерусалим, то есть град Бога, который не раз упоминается и описывается в Апокалипсисе (Откр 3:11 и 21:2), он окружен стенами (Откр 21:12), правда, из ясписа, то есть яшмы (Откр 21:18), но белый цвет вообще весьма частотен в этом тексте. “Мировой водораздел”, который упомянут в начале второго четверостишия, вызывает в памяти его появление в позднейшем сонете Иванова “Приближение”, посвященном описанию ощущения приближения смерти: “На мировом стоим водоразделе”. Строфа про тихий полог, который взвешается с беспощадной глубины, также напоминает один из лейтмотивов ивановской поэзии, основная мысль которого лучше всего сформулирована в сонете, ставшем вводным к поэме “Спор” (1909): “Таит покров пощады тайну Божию”³. В образе “свивания” тверди, то есть небес, без труда распознается отсылка к шестой главе Откровения, когда Агнец снимает шестую печать: “И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих” (Откр 6:14). Образ упоминается в “Письме к самому себе” (1932), причем здесь применен к бездне: “...страх бездны во мне, Его от меня отделявшей и внезапно свертывающейся, как свиток” [11, с. 445]. Наконец финал, гибель мира в пожаре в последней строфе является топосом христианской и скандинавской мифологии. Однако в стихотворении есть и не столь очевидный подтекст, на поиск которого заставляет отправиться интонация, которая объединяет художественную речь вышеназванных авторов. Разумеется, все они, в принципе, могли быть знакомыми со стихотворением Иванова, но и у самого его интонация могла быть заимствованной.

“Интонация” или “тон” представляет собой достаточно неопределенный термин, которым в силу этого зачастую пользуются поэты, понимая под ним присущее конкретному тексту (или группе текстов одного типа) звучание. Тем не менее она, иногда в малой зависимости от содержания или “изобразительности” текста, формирует общее впечатление от произведения, которое позволяет распознавать межтекстовые связи. Хороший пример этого — интертекстуальная связь между пейзажной аллегорией Иванова “Поэты духа”

и “Ночью” Б. Пастернака, когда один из самых знаменитых его приподнятых рефренов — “Не спи, не спи, работай / Не прерывай труда <...> Не спи, не спи, художник, / Не предавайся сну...” — перекликается с ивановским скоплением моно-силлабов, уложенных в тот же размер: “Не мни, мы в небе тая, / С землей разлучены...”. Связь между этими двумя текстами увидели и описали сразу двое ученых, обозначив в качестве оснований для сравнения общие семантические мотивы [12, с. 111–115], а также германский в своих истоках метрический ореол [13, с. 353–355].

В нашем случае мы также имеем дело с ключевой фразой. Из текстов ближайшего к Иванову окружения ее можно найти в стихотворении С. Городецкого под названием “Мать”, третьем в цикле “Чертяка” из сборника “Ярь”, который Иванов должен был хорошо помнить. Это фрагмент из речи матери к ребенку-чертяке:

“Поживем еще немного,
Как за пазухой у бога,
У меня ты, бедный друг...”

Однако заимствование Иванова из Городецкого в 1915 году в силу ряда причин представляется сомнительным, и этот пример побуждает далее искать общий для них источник. Он находится в стихотворении Г.Р. Державина “Утешение добрым” (1804), содержащем строки:

Потерпи ж еще немного,
Потерпи, храня закон;
Как придет время строго
И на злобу грянет гром.

Этот текст в свою очередь представляет собой парафрастическую оду, переложение 36-го псалма Давида, который впервые излагал в русских стихах уже в 1730 году Феофан Прокопович, причем его текст, как это бывало и с другими его произведениями, долго приписывался А. Кантемиру. Кроме того, псалом был частично переложен А.П. Сумароковым и гораздо полнее М.А. Дмитриевым, но только в переложениях Прокоповича и Державина мы находим тот глагол из оригинального текста, который останавливает внимание в ивановском стихотворении:

А тихий духом и муж терпеливый
Наследит землю в покое счастливый.
Правда есть, грешный его презирати
Будет и зубом нань злым скрежетати.
(Феофан Прокопович)

Яры взоры грешник мечет
И над праведником бдит;
Зубом на него скрежешет,
Втай везде его следит.

(Державин)

³Мы затронули эту тему в нашей книге [9, с. 107], недавно она заслужила внимание в работе [10, с. 252–261].

Ср. у Иванова:

Но когда: “Его, живого,
Вижу, вижу! Свил он твердь!” –
Вскрикнул брат, уста другого
Проскрежешут: “вижу Смерть”...

А также в тексте псалма: “Нечестивый злоумышляет против праведника и скрежещет на него зубами своими” (Пс 36:12). Интуитивно этот глагол ощущается как редкий в творчестве Иванова, и это подтверждает тот фрагментарный словарь языка поэта, который имеется на настоящий день. По нему, словоформа всего два раз появляется в опубликованных текстах Иванова, и о втором ее появлении будет сказано ниже. Пока же заметим, что рассмотрение откликов на псалмы в поэзии Иванова требует учета поэтической традиции, тем более что он и сам перелагал псалмы, многие из которых, в свою очередь, интертекстуальны по своей природе⁴. Схожим образом Державин позаимствовал из переложения Ломоносовым 103-го псалма отсутствующий в оригинале образ звездного неба как шатра, от кого-то из них перекочевавший в ивановское стихотворение “Утренняя звезда”, о чем писал И.З. Серман [19, с. 363–364]⁵. Нам остается лишь добавить, что шатер ночного неба появляется и в стихотворении Иванова “Рождество” (1914), едва ли не первого в се-

рии календарных стихов поэта, характерных для его творчества военной поры.

Таким образом, в стихотворении Иванова мы имеем дело с аллюзией на стихотворение Державина и через него на псалом. Невольно возникает вопрос, не является ли ключевая фраза (“Потерпи еще немного”, “Подыши еще немного”, “Поживем еще немного”) ритмико-синтаксическим клише. Их собирание пока недостаточно автоматизировано, однако возможно с помощью косвенного поиска по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). Даже беглый просмотр результатов дает возможность с уверенностью сказать о доминировании в четырехстопном хорее с чередованием женских и мужских окончаний двух ритмико-синтаксических конструкций, которые мы обозначим по популярным строкам: пушкинской “Дар напрасный, дар случайный...” (1828) и из пушкинского же перевода из Анакреона “Поредели, побелели...” (1835). Примеров на нашу комбинацию недостаточно, чтобы говорить о клише. Вот практически все результаты по НКРЯ: “Возвратит она не дале” (Нелединский-Мелецкий), “Закутя пиры и балы” (Капнист), “Поспешай, коли возможно” (Радищев), “Оттенил рукой своею” (Батюшков), “Поцелуй с меня срывала” (А. Одоевский, и отсюда же: “Поцелуй меня, Роксана”), “Пробудил эфир над нами” (Раич), “Полюби, душа Параша” (Ершов), “Пробудись, супруг блаженный” (Бенедиктов, и из него же: “Возложил венец страданья”), “Пробралась среди тумана” (Мей), “Прохладить чело венками” (Норов), “Облачась в убор нескромный” (Блок, и еще два его стиха: “Протекут еще мгновенья” и “Положи венок багряный”), “Оплети меня словами / Опали огнем заветным” (А. Герцык) и “Подобрав свои оборки” (Саша Черный). Добавим, что поиск по более строгому запросу (глагол в начале строки и слово “не/много” в рифменной позиции) тоже дал весьма скромные результаты: “Постоят еще немного” О. Мандельштама (из сокрушенного стихотворения “Влез бесенок в мокрой шерстке...”, 1937), “Потеснись, дитя, немного” Е. Полонской и признание И. Крылова о женщинах “Нахожу я в них немного” из стихотворения “Мое оправдание” (1788–1820).

Четырехстопный хорей, которым написаны все эти тексты – брат-соперник четырехстопного ямба, они оба, как Ромул и Рем, лежали в колыбели русской силлабо-тоники. Его разновидность с чередованием женских и мужских окончаний, использованная Ивановым в “Последних временах”, была метко названа М.Л. Гаспаровым “размером-удачником”. Он уже в XVIII веке использовался, видимо, под немецким влиянием, в стилизациях “ана-

⁴Переложение Ивановым 126 псалма было впервые опубликовано в работе [14, с. 81]; повторно по другому автографу, вместе с переложением псалма 127 (который также переложился Державиным), в работе С.В. Федотовой [15, с. 56–57]; расширенный вариант этой работы составил главку “Истоки поэтологической модели Вячеслава Иванова” в ее книге [16, с. 101–113, тексты ивановских переложений на с. 110]. О некоторых подтекстах из псалмов в оригинальной лирике Иванова см. также в статье [17, с. 14]. При расширительном понимании славословия как одной из декларируемых им самим задач поэзии можно сказать, что псалом в этом содержательном аспекте, наряду с гимном и дифирамбом, составляет ее основу, см. подробнее в нашей работе [18, с. 394–398, 405].

⁵Тема “Иванов и Державин” берет свое начало еще в прижизненных критических и пародийных оценках его творчества (см. финал пародии А. Измайлова: “Соправный мне в волшебстве из круговратных пущ / Взревев, возревновал Державин...”), и истории ее изучения был посвящен обстоятельный доклад С. Гардзонио на посвященной Иванову конференции в Риме в мае 2016 г. В свежей работе Н.М. Сегал-Рудник [20, с. 55–67] разбираются описательные фрагменты, “картины” природы из некоторых стихотворений Иванова (“Человек”, “Пламенники”, “Прооemion” из “Кормчих звезд”) в их связи с аналогичными поэтическими описаниями Державина. Однако “изобразительность” и ее метафизический смысл нам кажутся менее надежным маркером наличия интертекста. Едва ли не столь же часто, как с Державиным, современники сопоставляли Иванова и с Тредиаковским, связи с поэтикой и эстетикой которого изучены несравненно хуже [21, с. 288–311].

креонтической” песни, ее звучание нам памятно по упомянутому выше второму переводу Пушкина из Анакреона, ритмика которого была названа В. Чудовским “шедевром разнообразия в однообразии” [22, с. 65]: “Поредели, побелели / Кудри, честь главы моей, / Зубы в деснах ослабели, / И потух огонь очей. / Сладкой жизни мне не много / Провожать осталось дней <...>” (отметим попутно сенильную тематику этого текста). О фольклорном (песенном) происхождении распространенной в четырехстопном хорее ритмической инерции сильных иктов на третьем и седьмом слогах писал К. Тарановский в “Русских двусложных размерах”⁶. Она и задает основу доверительной разговорной интонации (“Дар случайный, дар напрасный”, “Поредели, побелели”, “Потерпи еще немного”), которую читатель ощущает во всех перечисленных выше стихотворениях. Однако уже в XVIII веке хорей претендовал (правда, с гораздо меньшим успехом, нежели ямб) и на тексты высокого и торжественного стиля, тяготевшие к стопобойности, то есть к соблюдению всех метрических ударений. В этой связи М.Л. Гаспаров указывал на особую роль именно переложений хореем псалмов, поскольку “...по стилю этот жанр тяготел одновременно и к торжественной и к песенной лирике” [24, с. 77].

Но кроме торжественной интимности размера, у фразы “Потерпи (подыши, поживем, постоит, потеснись) еще немного” есть и своя собственная интонация. Взаимодействие речевой (синтаксической) интонации со стиховыми факторами Б.М. Эйхенбаум назвал “мелодикой стиха”, посвятив этому предмету одноименную книгу 1922 года. Одним из результатов этой работы было разделение им по типу мелодики всей классической русской лирики на декламационный (ода, Ломоносов), напевный (Жуковский) и говорной (Ахматова) стих, причем в напевном ученый выделил три формы: куплетную, песенную и романсную. Общеизвестно, что этот труд В.М. Жирмунский резко раскритиковал в своей рецензии (вошла в его книги “Вопросы теории литературы”, 1928, и “Теория литературы. Поэтика. Стилистика”, 1977), а намерение Эйхенбаума жестко связать определенный ее тип с синтаксической интонацией вызвал критику и со стороны Н. Коварского, писавшего о “множественности факторов мелодики” [25, с. 39]. В.Е. Холшевников уточнил основные положения Эйхенбаума в работе “Типы интонации русского классического стиха” (в сб. “Слово и образ”, 1964), и он же написал

итоговую статью об интонации в КЛЭ. Упомянем также гипотезу М.Л. Гаспарова, что “вначале размеры тяготеют к жанрам, потом к темам, потом к интонациям”, но говорить о последней, по его мнению, можно лишь с осторожностью, пока это понятие не будет “удовлетворительно формализовано” [26, с. 216]. Порой писатели (В. Вейдле, Е. Невзглядова) упрекали филологов в глухоте к интонации при анализе конкретных стихотворений. В нашем случае мы имеем дело с разговорной интонацией, поддержанной ритмическим ореолом четырехстопного хороя, и, возможно, ни у Городецкого, ни у Сологуба не стоит искать аллюзии на Державина⁷.

Если вернуться к содержанию ивановского стихотворения, то, очевидно, псалом составляет лишь его основу: поэт не согласен с псалмопевцем, утешавшим в том числе тем, что в конце концов именно “кроткие” и “праведники наследуют землю”, а заканчивает свое стихотворение образом Обиды, позаимствованным из “Слова о полку Игореве”. Она “зажжет тризну” во всем мире, “с четырех земли концов”, и его финал, по Иванову, будет единственным в своем роде: восставшие из гроба, вернувшись на землю, в “старинную отчизну”, начнут воевать друг с другом⁸. Любопытно, что в соседней с “Последними временами” газетной колонке к образности древнерусского памятника открыто апеллировал и А. Амфитеатров в стихотворении “Игоревы дни. 1185–1915”, которое, судя по выставленной под ним дате “12 декабря, Милан”, было написано специально для этого номера:

О, ты, плач панихиды!
И, ты, кладбища стон!
Крыльев Девы-Обиды
Древний трепет и стон!

[29, с. 3]

⁷ Правда, современный исследователь творчества Сологуба указывает на актуальность для него традиции “духовной оды” и на связь стихотворения “Я – Бог таинственного мира...” с державинской одой “Бог” [27, с. 174–177].

⁸ Мы оставляем за пределами рассмотрения сравнение различных трактовок “восстания из мертвых” мыслителями рубежа веков, отметим лишь, что “общее дело” Н. Федорова опосредованно, в форме “вселенского дела”, входило в риторiku Иванова и Эрн (см. подробнее [28, с. 233]). Возможно, извечность людского конфликта в стихотворении Иванова подчеркивается популярной у модернистов рифмой *твердь: смерть*; ср. у Блока: “И краток путь средь долгой ночи, / Друзья, близка ночная твердь! / И даже рифмы нет короче / Глухой, крылатой рифмы: смерть” (пример любезно подсказан Р.Д. Тищенко). Сам Иванов использовал эту рифму в стихотворении “Хваление духов благословляющих” (1904), в поэме “Солнцев перстень” (1910), в стихотворении “Мать” (1914), а потом и в “Младенчестве” (1918).

⁶ По его наблюдениям, такая же тенденция существует и в немецком хорее, она восходит к латинским церковным гимнам, вроде знаменитого “Dies irae, dies illa...” [23, с. 67, 70–71].

Столь же открыто спроецирован на “Слово о полку Игореве” лишь один ивановский текст, стихотворение “Замышление Бояна”, опубликованное на следующее Рождество, уже 1916 года, и в том же самом “Русском слове”, однако предназначавшееся в сборник Городецкого “Краса” и написанное в марте 1915 года⁹.

Композиция произведений рождественского номера “Русского слова” вводит еще одно актуальное имя. Ивановский блок текстов продолжал стихотворный цикл Ю. Балтрушайтиса “Село Ильинское. Стихи о родине”, связанный с ивановской контрибуцией настроениями тревоги:

В опасный час вражды вселенской,
В кровавом роковом бреду,
О чем, свирельник деревенский,
Беседу в песне поведу?
Пока не ясен жребий мира,
Душа тоскует, сердце сирот,
Зовешь раздумье, — разум пуст,
И слова нет у сжатых уст...

[33, с. 3]

Интересно, что в написанном в сентябре 1915 года очерке “Юргис Балтрушайтис как лирический поэт”, многие из наблюдений которого приложимы к самому Иванову, он цитирует 102-й псалом Давида, строку 16: «Кажется, что обо всем видимом поэт неустанно твердит: ”яко дух пройде в нем, и не будет, и не познает к тому места своего”» [34, с. 309]¹⁰.

“Последние времена” сохранились в беловом списке рукой О. Шор в тетради из Римского архива (есть еще вырезка из “Русского слова” с первой публикацией), но более раннего автографа пока не выявлено, и точная дата написания стихотворения пока не известна. В том же номере газеты были опубликованы еще два стихотворения Иванова: “Исповедь земле” и “Плач по убиенным

воинам”. Автограф последнего текста чернилами с карандашной правкой находится в другой римской тетради, датированной февралем-мартом 1915 года, а три римские рукописи первого поздние, уже с добавленным посвящением М. Цветаевой, которого не было в первой публикации, и это перебеленные автографы без дат. Впрочем, в Пушкинском Доме хранится ранний черновик “Исповеди земле”, датированный 27 ноября, очевидно, 1915 года¹¹. Таким образом, Иванов собрал свой рождественский цикл из трех текстов, один из которых, “Исповедь земле”, написан за месяц до этого, второй, собственно “Последние времена”, возможно, именно к Рождеству, а третий, “Плач по убиенным воинам”, вероятно, был создан весной того же года, но все три текста — о погибших. Последняя строка “Плача по убиенным воинам” — “Дай во святых нам покой!” — представляет собой аллюзию на молитву об усопших (литу), которую мирянин может читать как дома, так и на кладбище: “Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная”. Таким образом, перед нами сформированное высказывание на актуальную для рубежа 1915 и 1916 гг. тему¹², и “Последними временами” Иванов воспользуется с той же целью еще два раза.

Отметим, что 27 и 28 декабря 1915 года Лидия Вячеславовна Иванова сделала две совершенно не характерные для ее всегдашнего ироничного стиля записи в своем дневнике о тщете познания вселенной и о нравственных поступках. Первая из них самой постановкой вопроса напоминает ивановскую: “Некоторые не терпят социального неравенства на земле, но неужели кто-нибудь потерпит его на небе?”¹³. Разумеется, пока можно лишь гадать, не было какого-то семейного импульса к созданию стихотворения (например, разгово-

⁹ Сохранившийся в ИРЛИ беловой автограф не имеет даты (Ф. 607. № 24); опубликован в работе [30, с. 68–69], однако письмо Городецкого к Иванову с приглашением в сборник датировано 13 марта (“Прошу тебя прислать мне поскорей стихи, или краткий философический этюд, или переводы античных мудрецов”, цит. по [31, с. 210–211]), а следующее, с благодарностью за присылку стихотворения, — 29 марта 1915 г.: «Сборник “Краса”, куда Ты дал это стихотворение, одно из проявлений тяги к замысленно Баяна» [31, с. 220]. Разбор основных образов этого текста в связи со “Словом” и комментарий к ним см.: [32, с. 245–250]. Отметим свидетельство мемуариста о чтении Ивановым в “Свободной эстетике” осенью 1915 г., видимо, именно этого стихотворения: «Затем вышел Вячеслав Иванов и предложил какие-то варианты на начало “Слова о полку Игореве”» (Спаский С. Маяковский и его спутники: Воспоминания. Л., 1940. С. 36).

¹⁰ Дата стоит под беловым автографом текста (РНБ. Ф. 304. Ед.хр. 20. Л. 16).

¹¹ ИРЛИ Ф. 607. № 334. Л. 22.

¹² По мнению специалиста, “почти каждый сколько-нибудь заметный писатель-модернист (как и целый ряд менее известных авторов) внес свой вклад в календарную словесность. Особенно часто встречаются публикации Блока, Сологуба, Иванова и Ремизова” [35, с. 306]. О традиции соединения календарных (рождественских и пасхальных) текстов с темами текущей политики см. следующую в книге работу того же автора “Пасха 1917: Ахматова и другие в русских газетах” [35, с. 332–334], о пасхальных стихотворениях Иванова 1917 г. “Тихая жатва” и “Поэт на сходке” см.: [35, с. 339]. Стихотворная часть номера “Русского слова”, кроме вышеупомянутых Амфитеатрова и Балтрушайтиса, включала в себя произведения Бунина, Городецкого, Щепкиной-Куперник, Блока (“Соловьиный сад”) и Игоря Северянина, а прозаическая занимала еще три газетных листа.

¹³ НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 45. Ед. хр. 10. Л. 8 об.

ра), но зато с уверенностью можно сказать, что тревога и опасения за находившихся на фронте родных были весьма своевременными для кануна 1916 года. Если полистать “Русское слово” за осень 1915 года, газету, в которой Иванов активно печатался и, надо полагать, читал, то буквально в каждом номере там помещались длинные списки погибших и прибывших в Москву раненых офицеров, в которых надо было искать своих родственников. Раненые уже с самого начала войны стали частью городской жизни, уже 21 августа 1914 года находившаяся в Москве Л.В. Иванова сообщала родным: “Раненые все прибывают и прибывают. Теперь их по подсчету уже 30.000 в Москве, и все очень просят их всех брать их к себе на частные квартиры”¹⁴. Ранен был брат В. Эрн, который, будучи летом 1915 года в Москве, заходил на Зубовский, но никого не застал¹⁵. С осени 1914 вплоть до лета 1915 года в Москве лечился от серьезного ранения в ногу С. Шварсалон¹⁶. Наконец, ранение получил и поручик К. Шварсалон, которого родные также пытались перевести в лазарет в Москву¹⁷.

Ход событий также все меньше давал поводов для оптимизма. В октябре 1915 года Россия объявила войну вступившей в войну уже летом Болгарии, и это наглядное разрушение “славянского единства” подробно обсуждалось в газетах, а одной из форм реакции на него стала организация Общества сближения с Англией. Инициатором этого среди прочих выступил именно Иванов, в декабре того же года опубликовавший статью “Россия, Англия и Азия”. Кроме того, в октябре

он принимал активное участие в мероприятиях памяти умершего весной того же года Скрябина, причем как в Москве, так и в Петрограде. Наконец, упомянем нараставшие признаки продовольственного и дровяного дефицита, сведения о котором также занимали последние страницы буквально каждой газеты. В течение 1915 года в Московской губернии была установлена норма выдачи сахара в один фунт на человека (природа этого дефицита очевидна – действовавший с начала войны запрет на продажу алкоголя), а осенью того же года уже заговорили о введении карточной системы распределения прочих продуктов питания, пока только для Петрограда [37, с. 5, 11], а также о введении распределительной системы на сахар в ряде губерний России [37, с. 13], более того, уже были установлены формы существующих продовольственных карточек [37, с. 81–99]. Перелом в общественных настроениях, распространение тревоги и неуверенности в завтрашнем дне в литературных и художественных кругах еще требует дополнительного сбора данных, но напомним, например, что 15 декабря 1915 года на “Последней футуристической выставке картин 0,10” был выставлен “Черный квадрат” К. Малевича.

По понятным причинам ретроспективно 1916 год был воспринят как начало конца старого мира. Приблизительно так же судил об этом годе и Иванов, и в этом нас убеждает повторная публикация им стихотворения “Последние времена” (без разбивки на четверостишия, возможно, из-за экономии бумаги) в качестве вводного текста к статье 1919 года “Кручи”. Здесь она была снабжена пояснением: «Прошу извинить этот автоэпиграф в рифмах (бред 1916-го, кажется, года), но, согласно уставу “Записок Мечтателей”, требующему мгновенных снимков с текущей “мечтательской” психологии, прошу занести, тем не менее, и рецидив бреда в протокол, невзирая на явное отступление бредовой грезы от порядка дня, – разумею: исторического дня» [8, с. 366]. Извиняясь за то, что приводит старое, как будто уже не актуальное стихотворение, Иванов повторно косвенным образом оценивает его как насущное для того исторического момента, когда оно, по его воспоминаниям, создавалось, то есть для 1916 года (это косвенным образом подтверждает наше предположение о дате его создания в конце предыдущего года). Кроме того, финал текста с появлением Обиды составляет выразительную параллель к теме статьи, т.е. “кризису гуманизма”, и оно в самом деле становится эпиграфом к ней, а тем самым и оценкой текущего момента: конец света наступил, и гуманизм или, другими словами, человечность разлагает-

¹⁴ НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 56. Л. 2.

¹⁵ Об этом супруга философа, Е. Эрн, сообщала В. Шварсалон в открытке из Ростова в Анапу 26 августа 1915 (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 40. Ед.хр. 8. Л. 5).

¹⁶ Первое упоминание о том, что она ходит по вечерам к Сереже в лазарет, появляется в письме В. Шварсалон к второму брату, посланном 9 октября 1914 г. (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 37. Ед.хр. 36. Л. 38), 30 января 1915 г. она сообщала ему же о состоянии раны брата, а 18 февраля иронично писала ему же о “почетном весьма обществе раненого офицера с костылями” (Там же. Л. 13 об., 18 об.). 19 июня 1915 г. М. Замятина писала находившейся в Анапе В. Шварсалон: “Сережа еще сидит все в лазарете, т.к., конечно, все идет выздоровление медленно” (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 20. Ед.хр. 5. Л. 30 об.), и, видимо, сразу по получении этого письма Шварсалон послала брату открытку в лазарет (дата на почтовом штампе 22 июня, год устанавливается по содержанию; см.: НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 37. Ед.хр. 38. Л. 25). По позднейшим воспоминаниям пасынка Шварсалона, М.М. Григоровича, отчим ходил “прихрамывая и пользуясь палкой” [36, с. 276].

¹⁷ См. черновики трех телеграмм к генералу Касаткину в Орел из Москвы рукой М. Замятиной с просьбами ускорить эвакуацию и сообщениями, что место в лазарете приготовлено (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 19. Ед.хр. 57. Л. 1–2 об.).

ся, что, конечно, весьма актуально для жуткого 1919 года¹⁸. Интересно, что в статье 1917 года “Революция и народное самоопределение” для описания требований народа Иванов повторно использовал тот же глагол из текста псалма: «В эпоху падения крепостного права народ-Сфинкс задал свою загадку: “земля”. В дни распада ислетлившей личины самодержавия народ простонал и проскрежетал все то же единственное слово» [8, с. 359]. Кстати, и “Плач по убиенным воинам” по иронии судьбы был повторно перепечатан почти в то же время, в альманахе “Русские – русскому офицеру” в 1918 году.

От “кризиса гуманизма” легко перебросить мост к “Человеку”, где стихотворение занимает свое место в качестве “Введения” к его третьей части, венку сонетов “Два града”, что соответствует хронологии первых публикаций (“Два града” вышли в январском номере “Русской мысли” за 1916). Кроме обращения к “Человеку”, их объединяют мотивные переклички, среди которых основной являются, если воспользоваться державинским выражением, восходящая к Апокалипсису “река времен”, а также пришедший оттуда же “град Бога” “новый Иерусалим”, который, как уже говорилось, упоминается в конце второго и начале третьего четверостишия. Но может быть еще одно основание – общий “апокалиптический” “тон”, как сам поэт охарактеризовал “Два града” в письме к С. Маковскому от 23 июля

1915 г., объяснив, что “эти настроения навеяны, конечно, войною” [42, с. 151]. Как явствует из того же источника, трехчастная композиция “мистерии” сформировалась у Иванова уже летом 1915 года и сохранялась во время ее публичной презентации 30 марта 1916 года в Религиозно-философском обществе, которая вызвала печатную полемику с Н. Устряловым (о ней см. подробнее: [43, с. 40–42]; о связанных с ней других выступлениях Иванова против идей Устрялова в это время см.: [44, с. 150–151]). В предварявшем это выступление вводном слове, весьма отвлеченно рисуя занимавший Иванова в связи с поэмой круг вопросов, трудно различить динамику развития мысли в каждой из частей поэмы, хотя финал этого текста недвусмысленно рисует гибель всех “божниц и окладов”, всех “кумиров и икон” в “пожаре Любви” [45, с. 12]¹⁹. Кроме того, в тезисах программы этого выступления содержание третьей части определялось таким образом: “1) Прошлое и будущее Града Ненависти. 2) Генезис и строение Града Божия на земле”²⁰. В хранящемся в Римском архиве почастном изложении основного содержания поэмы, которое В. Шварсалон записала со слов Иванова, третья часть также трактуется как апокалиптическая: “Все будет приведено к последнему завершению и окончанию” [46, с. 37]. Лишь появление в дальнейшем четвертой части поэмы детализирует этот стройный план.

Судя по всему, “Последние времена” под названием “Пролог” вошли в состав “Человека” именно в 1919 г., одновременно с “Кручами” и с публикацией в том же году цикла “Человек – один”, который и составит эту четвертую часть²¹. Об этом свидетельствует наборная рукопись поэмы, “лирической тетралогии”, как она теперь называется, сохранившаяся в архиве А. Эфроса и уже замеченная ивановедами²². Текст “Последних времен” здесь полностью соответствует оконча-

¹⁸ В немецком издании статьи (Klüfte. Über die Krisis des Humanismus. Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart, Berlin, 1922) стихотворение, как и весь вводный абзац, было опущено, видимо, в целях адаптации этого текста к кругу немецкого читателя. В последнем убеждает, например, проставленный Ивановым источник подзаголовка “Не льдисты ль мещут огонь моря?”, причем приводится не настоящее название оды Ломоносова (“Вечернее размышление о Божием величестве”), а латинское название предмета этого размышления, северного сияния (“Aurora borealis”). Переводчик статьи, поэт Вольфганг Грёгер (1882–1950), познакомился с Ивановым в 1919 г. в Серебряном бору, и поэт одобрил его работу [38, с. 84] (об их взаимоотношениях см. [39, с. 363], а также [40, р. 367–386]); как явствует из письма М. Бубера, этот перевод Иванов дал ему для прочтения при встрече в 1927 г. [41, с. 332]. Все это дает основания предположить, что изъятие стихотворения произошло с ведома писателя. То же самое было сделано и в итальянском переводе А. Каффи, что свидетельствует в пользу того, что немецкое издание служило для него ориентиром (машинописи немецкого перевода, а также автограф и машинопись итальянского хранятся в Римском архиве, см.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k18.htm>, дата просмотра 18.07.2016). Немецкий перевод “Круч” готовился самим Ивановым для его неосуществившейся в 1913 г. публикации в журнале “Согора”, но, судя по сохранившейся на машинописи правке поэта, вернуть туда “Последние времена” он не планировал.

¹⁹ Текст выступления Иванова опубликован по беловому автографу [45, с. 8–13]. Напомним, что в ИРЛИ также хранится обширный фрагмент чернового автографа этого текста, о котором мы писали в вышеупомянутой работе, пытаясь вписать выступление Иванова в круг его размышлений о войне [44, с. 149–150].

²⁰ Цит. по факсимильному воспроизведению: [45, с. 38]; автограф рукой Иванова см.: НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 3. Ед.хр. 33. Л. 1.

²¹ Разумеется, нельзя исключить, что “Последние времена” могли входить в готовившееся в “Скорпионе” в 1915 г. издание “Человека” [43, с. 30–31], сведения о составе которого сохранились неполно.

²² НИОР РГБ Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 7. Л. 42. С.В. Федотова обращается к этому документу, квалифицируя его как “список” и анализируя иную по сравнению с финальной композицию частей текста [46, с. 74–75].

тельному варианту, в том числе имеет разбивку на строфы, однако существеннее то, что наше стихотворение, в духе композиционных переключек, на которых строится поэма, у читателя встает рядом с другим текстом, также названным здесь “Прологом” и открывающим свеженаписанную четвертую часть. Это – стихотворение “Человек, еще ты болен...” [8, с. 238], которое под названием “Ephymnion” в окончательной композиции “Человека” не открывает, а завершает эту же часть (его новое название и означает заключительный рефрен в византийском песнопении). Кроме двух незначительных разночтений²³, его текст в точности соответствует окончательному варианту, меж тем как Дешарт сообщает о нем, что Иванов соединил в нем два своих стихотворения только в конце 1930-х годов²⁴. Эти два пролога – “Потерпи еще немного, / Скорбный путник Человек” и “Человек, еще ты болен, / Но восстанешь, исцелен!” – представляют собой обращения к Человеку, первое с опорой на псалом и второе – на идею

искупления его грехов Богом. Этот параллелизм будет разрушен в окончательной версии композиции, однако третья часть войдет в парижское издание, готовившееся в столь же тревожные времена европейской истории, без изменений.

Все вышесказанное дает нам повод сопоставить “Последние времена” с другими текстами, открыто берущими темпоральный порог (конец или начало новой эпохи) как повод для их написания, то есть с циклом “Carmen saeculare” (1904) и стихотворением “Люцина” (1906). Все они строятся как отклик на чужие тексты: “Carmen saeculare” – на стихотворение Горация и оккультные расчеты Агриппы Неттестеймского, цитата из которого предваряет цикл, “Люцина” (богиня родов) в помощь читателю снабжена прозрачным эпиграфом из знаменитой четвертой эклоги Вергилия, и лишь “Последние времена” рефлексировать над ветхозаветно-христианской идеей конца света. Вспомним, что в предисловии к “Псалтыри” Иванов классифицировал псалмы по темам, выделив в том числе подкорпус написанных на актуальные “исторические события общенародной жизни” и отнеся интересующий нас 36-й псалом к тем из них, где находится “созерцание путей добра и зла и участи праведных и неправедных” [47, с. VIII]. Для оформления идеи “вечного возвращения” последних времен Иванов слил апокалипсис с псалмом об участи праведных и неправедных, найдя тем самым жанр-посредник, который по самой своей природе подразумевает многократное его использование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. [Odoevtseva, I. *Na beregah Nevy* [On the Neva's Banks] Moscow, 1988.]
2. Левинтон Г.А. Гермес, Терпандр и Алеша Попович (Эпизод из отношений Гумилева и Мандельштама?) // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Биография. СПб., 1994. [Levinton, G. *Germes, Terpandr i Alyosha Popovich* [Hermes, Terpander, and Alyosha Popovich (One Episode of the Relationships between Gumilev and Mandelshtam)]. *Nikolay Gumilev. Issledovaniya i materialy. Biografia*. [Nikolay Gumilev. Investigations and Materials. Biography]. St. Petersburg, 1994.]
3. Резникова Н. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. [Reznikova, N. *Ognennaya pamyat: Vospominaniya ob Aleksee Remizove*. [Fiery Memory: Memoirs about Alexey Remizov]. St. Petersburg, 2013.]
4. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка/ Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Джона

²³ НИОР РГБ Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 7. Л. 55. Слово “ипостась” в этом автографе написано с маленькой буквы, да еще вторая строка заканчивается не восклицательным знаком, а точкой.

²⁴ Приведем ее воспоминания: «Однажды, в конце тридцатых годов, просматривая старые записи для установления окончательного текста для “Человека”, В.И. увидел два стихотворения, относящихся ко времени его жизни в Сочи. Стихи эти, написанные не одновременно, на расстоянии пяти месяцев друг от друга, представляли собою как бы одну пьесу; В.И. был удивлен: стихи те заключали, формулировали узрения последней части “Человека”, о котором он тогда не думал. И он сразу решил добавить эти стихи к четвертой части мелопеи и закончить ими отдел “Человек Един”. Стихотворение он назвал: “EPHYMNION”. Первые две строфы датированы были: “Октябрь 1916”. Последние две – “1 марта 1917”» [8, с. 739–740]. Теперь очевидно, что Иванов повторил свой композиционный жест, сделанный уже в 1919 г. Воспользуемся случаем, чтобы добавить еще одну, также оставшуюся неизвестной Дешарт, деталь в реконструкцию творческой истории “Человека”. Речь идет о составе “Эпилога”, который был завершен в марте 1919 г., и в парижском издании включает в себя девять октав, причем последняя написана годом ранее и добавлена автором позднее. Автограф из архива Эфроса свидетельствует, что она уже тогда занимала свое место, но шла без номера, через отбивку с астериском, а перед ней находилась еще одна строфа, пронумерованная девятой и не вошедшая в окончательный вариант текста: “И сладостно то видеть было мне, / И плыть, и реять, и тонуть в круженье, – / И на сафирном вдруг очнуться дне. / Синела ночь, вся – струнное движенье / Сил мусикийских в звучной тишине. И мир единый сквозь изнеможенье, / Я зрел: сияет в круге звезд Жена; / Ей солнце – плоть; у ног Ее – луна” (НИОР РГБ Ф. 589. Карт. 12. Ед.хр. 7. Л. 68). Отметим, что черновой карандашный набросок этого текста вне связи с “Человеком” хранится также в Римском архиве писателя: РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Ед.хр. 6. Л. 27 (скан автографа доступен по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p06/op1-k05-p06-f27.jpg>, дата просмотра 11. 07. 2016).

- Мальмстада, подг. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Джона Мальмстада; СПб., 1998. [*Andrey Bely i Ivanov-Razumnik. Perepiska. Publikacia, vstupitel'naya statya i kommentarii A.V. Lavrova i Dzhona Malmstada, pogotovka teksta T.V. Pavlovoj, A.V. Lavrova i Dzhona Malmstada* [Andrey Bely and Ivanov-Razumnik: The Correspondence. Editing, Introduct. and Comments by A.V. Lavrov and John Malmstad, texts prepared by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov and John Malmstad]. St. Petersburg, 1998.]
5. Бабаев Э. Воспоминания. СПб., 2000. [Babaev, E. *Vospominania* [Memoirs]. St. Peterburg, 2000.]
 6. Малахьева-Мирович В. Хризалида: Стихотворения / Сост., подготовка текста, статьи и комментарии Т. Нешумовой. М., 2012. [Malakhieva-Mirovich, V. *Hrizalida: Stihotvorenia. Sostavlenie, podgotovka teksta, statyi i kommentarii T. Neshumovoj* [Chrysalis: The Poems. Compiling, text preparing, articles and comments by T. Neshumova]. Moscow, 2012.]
 7. Сошкин Е. Гипограмматика. Книга о Мандельштаме. М., 2015. [Soshkin, E. *Gipogrammatika. Kniga o Mandelshtame* [Hypogrammar: The Book about Mandelshtam]. Moscow, 2015.]
 8. Иванов В.И. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. III. [Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Brussels, 1979. Vol. III.]
 9. Обатнин Г.В. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (М., 2000. [Obatnin, G.V. *Ivanov-mistik. Okkultnye motivy v poezii i proze Vyach. Ivanova* [Ivanov as Mystic. The Occult Motives in Poetry and Prose of Vyacheslav Ivanov]. Moscow, 2000.]
 10. Дыхнова Е.П. Образ-символ покровы в поэзии Вячеслава Иванова // Мифологические образы в литературе и искусстве. М., 2015. [Dykhnova, E.P. *Obraz-simvol pokrova v poezii Vyacheslava Ivanova* [Image-symbol of the Pallinthe Poetry of Vyacheslav Ivanov]. *Mifologicheskie obrazy v literature i iskusstve* [Mythological Images in Literature and Art]. Moscow, 2015.]
 11. Soliloquio Вячеслава Иванова: неизвестное “Письмо к самому себе” / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. С.В. Федотовой // Вячеслав Иванов: исследования и материалы / Отв. ред. Н.Ю. Грыкалова, А.Б. Шишкин. СПб., 2016. [*Soliloquio Vyacheslava Ivanova: Neizvestnoe "Pismo k samomu sebe"*. Vstup. st., podgtovka teksta i primech. S.V. Fedotovoj. *Vyacheslav Ivanov: issledovania I materialy. Otv. red. N.Ju. Gryakalova* [Soliloquio of Vyacheslav Ivanov: The Unknown “Letter to Myself”. Introduction, text preparing and comments by S.V. Fedotova. Vyacheslav Ivanov: Research and Materials. Ed. by N. Ju. Gryakalova]. St. Petersburg, 2016.]
 12. Магомедова Д.М. Символистский подтекст в стихотворении Б. Пастернака “Ночь” // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. V. “Свое” и “чужое” слово в художественном тексте: Сб. научных трудов. Тверь, 1999. [Magomedova, D.M. [Symbolist Subtext in Boris Pasternak’s Poem “The Night”]. *Literaturnyj tekst: Problemy i metody issledovania. V. "Svoe" i "chuzhoe" slovo v hudozhestvennom tekste* [Literary Text: Problems and Methods of Research. V. “One’s Own” and “Alien” Word in Literary Text]. Tver, 1999.]
 13. Сегал (Рудник) Н. М. “Поэты духа”: Вячеслав Иванов и Борис Пастернак // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. Материалы конференции (Иерусалим, 2003). М., 2008. [Segal (Rudnik), N.M. *"Poety duha" Vyacheslav Ivanov i Boris Pasternak. Puti iskusstva: Simvolizm i evropejskaya kultura XX veka* [“Poets of Spirit”: Vyacheslav Ivanov and Boris Pasternak. *Paths of Art: Symbolism and the European Culture of the 20th Century*]. Moscow, 2008.]
 14. Вяч. Иванов. “В блистаньях студеньих...”: Неизвестные стихотворения / Предисл., публ. и комм. Г.В. Обатнина // Наше наследие. 1992. № 25. [Vyach. Ivanov. *"V blistanyah studenykh..."*: *Neizvestnye stihotvorenia. Predisl., publ. i komm. G.V. Obatnina* [Vyach. Ivanov. “In Icy Cold Sparkles...”: The Previously Unknown Poems. Introductory notes, publication and comments by G.V. Obatnin. *Our Heritage*. 1992. № 25.]
 15. Федотова С.В. Неизвестные переложения псалмов Вячеслава Иванова // Русская литература. 2011. № 2. [Fedotova, S.V. [Previously Unknown Translations of Psalms by Vyacheslav Ivanov] *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2011. № 2.]
 16. Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова. Тамбов, 2012. [Fedotova, S.V. *Poetologia Vyacheslava Ivanova* [Poetics of Vyacheslav Ivanov]. Tambov, 2012.]
 17. Пороль О.А. О семантике пространственно-временной символики в творчестве Вяч. Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “Литературоведение. Журналистика”. 2014. № 1. [Porol, O.A. [On the Semantics of Space and Temporal Symbols in the Works of Vyach. Ivanov]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Russian State University of Peoples’ Friendship]. 2014. № 1.]
 18. Обатнин Г. Несколько положений: (О поэзии Вячеслава Иванова) // Лотмановский сборник. М., 2004. [Вып.] 3. [Obatnin, G. [Some Theses (About the Poetry of Vyacheslav Ivanov)]. *Lotmanovskii sbornik* [The Lotman Collection]. Moscow, 2004. Part 3.]
 19. Серман И.З. Вячеслав Иванов – наставник советских поэтов // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. Материалы конференции, Иерусалим, 2003. М., 2008. [Serman, I.Z. [Vyacheslav Ivanov as a Mentor of Soviet Poets]. *Puti iskusstva: Simvolizm i evropejskaya kultura XX veka* [Paths of Art: Symbolism and European Culture of the 20th Century]. Moscow, 2008.]

20. Сегал-Рудник Н.М. Дионисийство как прием: К вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб., 2016. [Segal-Rudnik, N.M. [Dyonisianism as a Device: Toward the Question of Metaphysical Chronotope in Poetry of Vyacheslav Ivanov]. *Vyacheslav Ivanov: Issledovaniya I materialy* [Vyacheslav Ivanov: Research and Materials]. St. Petersburg, 2016.]
21. Кузнецов В.А. “Иератический язык” Вяч. Иванова: Литературные истоки // *Ars Philologiae*. Профессору А.Б. Муратову ко дню шестидесятилетия / Под ред. П.Е. Бухаркина. СПб., 1997. [Kuznesov, V.A. [“Hieratic Language” of Vyach. Ivanov: Literary Sources]. *Ars Philologiae. Professoru A.B. Muratovu ko dnu shestidesyatiletia* [Ars Philologiae. For the 60th Anniversary of Prof. A.B. Muratov]. St. Petersburg, 1997.]
22. Чудовский В. Несколько утверждений о русском стихе // *Аполлон*. 1917. № 4–5. [Chudovsky, V. [Some Statements Upon Russian Verse]. *Apollon* [Apollo]. 1917. № 4–5.]
23. Тарановский К.Ф. Русские двусложные размеры. М., 2010. [Taranovsky, K.F. *Russkie dvuslozhnye razmery* [Russian Disyllabic Metres]. Moscow, 2010.]
24. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. [Gasparov, M.L. *Ocherk istorii russkogo stiha* [Outline of the History of Russian Verse]. Moscow, 1984.]
25. Коварский Н. Мелодика стиха // *Поэтика*: Сб. статей. Л., 1928 (Временник отдела словесных искусств ГИИИ. [Вып.] IV). [Kovarsky, N. [Melodics of the Verse]. *Poetika. Sb. statej* [Poetics. A Collection of Articles]. Leningrad, 1928.]
26. Гаспаров М.Л. “На воздушном океане...” (4-ст. хорей с окончаниями Ж, М: размер-удачник) // Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. [Gasparov, M.L. [“On Aerial Ocean...” (Trochaic Tetrameter with Female and Male clausulae: a “lucky” metre). Gasparov, M.L. *Metri i smysl: Ob odnom iz mehanizmov kulturnoj pamtyati* [Metre and Meaning: Upon One Mechanism of Cultural Memory]. Moscow, 1999.]
27. Левицкий А. “Бедный, слабый воин Бога”: К вопросу о формировании лирического “я” Федора Сологуба // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции. СПб., 2010. [Levitsky, A. [“A Poor Weak God’s Warrior...”: Toward the Question of Lyrical ‘I’ Formation in Feodor Sologub’s Poetry]. *Fedor Sologub: Biografia, tvorchestvo, interpretacii* [Feodor Sologub: Biography, works, interpretations]. St. Petersburg, 2010.]
28. Обатнин Г.В. “Φιλία” Вяч. Иванова как ракурс к биографии // *Donum homini universali*: Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М., 2011. [Obatnin, G. [“Φιλία” of Vyach. Ivanov as a Scope for His Biography]. *Donum homini universali. Sb. statej v chest 70-letia N.V. Kotreleva* [Donum homini universali. A Collection of Articles in Celebration of 70th Birthday of Nikolay V. Kotrelev]. Moscow, 2011.]
29. Амфитеатров А. Игоревы дни. 1185–1915 // Русское слово. 1915. 25 декабря. № 296. [Amfiteatrov, A. [Count Igor’s Days. 1185–1915]. *Russkoe slovo. 1915. 25 dekabrya. № 296* [Russian Word. 1915. 25 of December. № 296.]
30. Вдовин В. Есенин и литературная группа “Краса” // *Филологические науки*. 1968. № 5 (47). [Vdovin, V. [Sergey Esenin and Literary Group “Krasa”]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1968. № 5 (47).]
31. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. М., 2003. Т. 1. [Letopis zhizni i tvorchestva S.A. Esenina [A Chronicle of Life and Works of Sergey Esenin]. Moscow, 2003. Vol. 1.]
32. Топорков А.Л. Источники “Повести о Светомире Царевиче” Вяч. Иванова: Древняя и средневековая книжность и фольклор. М., 2012. [Toporkov, A.L. *Istochniki “Povesti o Svetomire Tsareviche” Vyach. Ivanova: Drevnyaya i srednevekovaya knizhnost i folklor* [Sources of “The Tale of Prince Svetomir” of Vyach. Ivanov. Ancient and Medieval Literature and Folklore]. Moscow, 2012.]
33. Балтрушайтис Ю. Село Ильинское. Стихи о родине // Русское слово. 1915. 25 декабря. № 296. [Baltrušaitis, J. Selo Il’inskoe. Stihi o rodine // *Russkoe slovo. 1915. 25 dekabrya. № 296* [Village of Il’inskoe. Poems about Motherland]. Russian Word. 1915. 25 of December. № 296.]
34. Иванов В. Юргис Балтрушайтис, как лирический поэт // *Русская литература XX века* / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1915. Т. II. Ч. 1. [Ivanov, V. Jurgis Baltrušaitis, kak liricheskij poet. *Russkaya literatura XX veka. Pod red. S.A. Vengerova*. [Jurgis Baltrušaitis as a Lyrical Poet. Russian Literature of the 20th Century. Ed. by Semen A. Venegerov]. Moscow, 1915. Т. II. Part. 1.]
35. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм / Авторизованный перевод с английского Е.Р. Сквайрс // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. [Baran, H. [Pre-Revolutionary Festive Literature and the Russian Modernism]. Baran, H. *Poetika russkoj literatury nachala XX veka* [Poetics of Russian Literature in the Beginning of the 20th Century]. Moscow, 1993.]
36. Гнетнев К. Беломорканал: Времена и судьбы. Петрозаводск, 2008. [Gnetnev, K. *Belomorkanal: Vremena i sudby* [Belomorkanal: Times and Fortunes]. Petrozavodsk, 2008.]
37. [Гинс Г.К.] Карточная система (Материалы). Пг., 1916 (Управление делами Особого совещания по продовольствию). [Gins, G.K. *Kartochnaya sistema*

- (*Materialy*) [Food Rationing (Materials)]. Petrograd, 1916.]
38. Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. [Ivanova, L. *Vospominiya. Kniga ob otse* [Memoirs. A Book about the Father]. Moscow, 1992.]
 39. Азадовский К.М. Вячеслав Иванов и Рильке: Два ракурса // Азадовский К.М. Рильке и Россия. М., 2011. [Azadovsky, K.M. [Vyacheslav Ivanov and Rilke: Two Angles of Vision]. Azadovsky, K.M. *Rilke i Rossia* [Rilke and Russia] Moscow, 2011.]
 40. Поляков Ф. Венок сонетов Вяч. Иванова “Любовь и смерть” в переводе Вольфганга Грегера // *Europa orientalis*. 2002. Vol. XXI. № 1. [Polyakov, F. [A Crown of Sonnets by Vyach. Ivanov “Love and Death” in Wolfgang Gröger’s Translation]. *Europa orientalis*. 2002. Vol. XXI. № 1.]
 41. Вахтель М. Переписка с Мартином Бубером // Символ. 2008. № 53–54. [Vahtel, M. [The Correspondance of V. Ivanov and Martin Buber] *Simvol* [Symbol]. 2008. № 53–54.]
 42. Переписка В.И. Иванова с С.К. Маковским / Подг. текста Н.А. Богомолова и С.С. Гречишкина, вступ. ст. А. Богомолова, комм. Н.А. Богомолова и О.А. Кузнецовой // НЛЮ. 1994. № 10. [[Correspondence between Vyach. I. Ivanov and Sergey K. Makovsky. Text prepared by Nikolay A. Bogomolov and Sergey S. Grechiskin, introduction by Nikolay A. Bogomolov, comments by Nikolay A. Bogomolov and Olga A. Kuznecova] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 1994. № 10.]
 43. Шишкин А.Б. Из истории мелопеи “Человек”: творческая и издательская судьба // Иванов В. Человек. Приложение: Статьи и материалы. М., 2006. [Shishkin, A. [On the History of Melopoiia “A Man”: A History of Its Genesis and Publication] Ivanov, V. *Chelovek. Prilozhenie: Stat’i i materialy* [“A Man”. Appendix: Articles and Materials]. Moscow, 2006.]
 44. Обатнин Г.В. К описанию позиции Вячеслава Иванова периода первой мировой войны // НЛЮ. 1997. № 26. [Obatnin, G.V. [On the Elaboration of Vyacheslav Ivanov’s Stand During the World War I]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 1997. № 26.]
 45. Иванов В. Человек. Приложение: Статьи и материалы. М., 2006. [Ivanov, V. *Chelovek. Prilozhenie: Stat’i i materialy* [“A Man”. Appendix: Articles and Materials]. Moscow, 2006.]
 46. Федотова С.В. В лабиринте формы мелопеи “Человек” // Вячеслав Иванов. Человек. Приложение: Статьи и материалы. М., 2006. [Fedotova, S.V. [Within the Labirinth of Form of Melopoiia “A Man”] Ivanov, V. *Chelovek. Prilozhenie: Stat’i i materialy* [“A Man”. Appendix: Articles and Materials]. Moscow, 2006.]
 47. Псалтырь на славянском и русском языках. Рим, 1950. [*Psaltyr na slavyanskom i russkom yazykah* [The Book of Psalms in Slavic and Russian Languages]. Rome, 1950.]